

ЮЛИЯ СИМБИРСКАЯ

ЛЕТО

НАРИСОВАЛА
КСЕНИЯ КОРОТЕЕВА

Детский почерк

Юлия Симбирская
Лето в Самоварове

«Абрикобукс»

2025

Симбирская Ю. С.

Лето в Самоварове / Ю. С. Симбирская — «Абрикобукс»,
2025 — (Детский почерк)

ISBN 978-5-6053871-8-3

Для Дуни лето – это дача, там её ждёт лучшая подруга с «колясочных» времён, Тамара. Как же обидно, что родители Тамары продали дом и теперь там живут чужие люди. А ещё старшая сестра Дуни Женя сломала руку и теперь будет несколько месяцев ходить и дуться на всех, вместо того чтобы уехать на спортивные сборы. Неужели это лето не будет таким же идеальным, как раньше? Но Дуня встречает мальчика Алёшу со звенящей фамилией Колокольчиков, который, на взгляд девочки, слишком много врёт. Зато теперь у Дуни есть дело – выяснить, кто же такой этот Алёша Колокольчиков, и найти себе новые занятия и развлечения на всё лето. А разве это сложно, когда дача – целый мир? Повесть детской писательницы Юлии Симбирской каждому напомнит о детстве и его тайнах, о кладах в малиннике, приключениях на каждом шагу и простой радости первой и искренней дружбы.

ISBN 978-5-6053871-8-3

© Симбирская Ю. С., 2025

© Абрикобукс, 2025

Содержание

Начало	6
Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвёртая	24
Глава пятая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Симбирская

Лето в Самоварове

© Симбирская Ю. С., 2025

© Коротеева К. А., 2025

© ООО «Издательство «Абрикос», 2026

Начало

Когда-то я не знала Алёшу Колокольчикова. Например, прошлой весной точно не знала, и позaproшлой зимой тоже. Мы вообще могли не увидеться и не подружиться, а могли случайно встретиться на улице и пройти мимо друг друга, как проходят тысячи мальчиков и девочек. Проходят и не догадываются, что пропустили дружбу.

Пока не нашёлся ответ на вопрос, почему людей примагничивает друг к другу, но не беда, главное ведь – примагничивает. Я давно поняла важное про дружбу, ещё в подготовительной группе детского сада «Пчёлка». Это важное очень простое – не надо искать секрет дружбы, надо дружить с разбегу, просто так, не почему, а если думать как и сомневаться, ничего не выйдет – вот и всё.

В конце мая я получила похвальный лист за второй класс, сходила на день рождения к соседке по парте, а потом наступило лето, мы с мамой сели в электричку и поехали в каникулы. Я не ошиблась, не «на каникулы», а «в каникулы» – внутрь.

Июнь бежал вдоль железной дороги, свистел и размахивал разноцветными рукавами. Я подмигивала ему то левым глазом, то правым, мол, туки-туки – вижу тебя. Он не прятался за берёзами и ёлками, а подбегал поближе, заглядывал в приоткрытое окно, дул мне на чёлку, улыбался, как старой знакомой, запускал в вагон солнечных зайчиков. Они скакали по стенам, креслам, макушкам пассажиров, потом собирались вместе и рассаживались на потолке между спящими лампами. В небе трепыхались белые круглые облака, похожие на воздушные шары на невидимых ниточках, и я вставала коленками на сиденье, просовывала руку в окно и на несколько секунд перехватывала у июня пучок ниток.

Каждый год мама волнуется, что мне надоест куковать на даче, и скучающего ребёнка придётся специально развлекать, а у неё совсем нет времени. Тогда я тоже волновалась, но зря: я куковала и кукую с удовольствием – ку-ку, ку-ку-ку-ку-ка-ре-ку! Мне нравится наш ста-

рый дом со стеклянной верандой, нравится озеро с жёлтым песком и кувшинками, нравятся разноцветные моторки, подпрыгивающие на волнах, нравятся стрекозы и немытая морковка с грядки, нравится обедать весёлой и колючей окрошкой с квасом, нравится жарить хлеб на палочке, когда папа разводит костёр во дворе, нравится ходить в магазин за мороженым и тут же обкусывать ледяной пломбир, нравятся магазинные сторожа – собаки Бой и Жулька, нравится соседская кошка Трёшка, которая всем раздаёт пойманных полёвок, нравится земляничный дом с мятной крышей, ведь там живёт моя подруга Тамара со своими братьями-близнецами Мишкой и Антошкой, а ещё с мамой, папой, прабабушкой Валею и прадедушкой Валею. Мой папа называет их Валенки. Тамарина семья тоже приезжает на дачу на всё лето.

Давным-давно, в начале жизни, мамы катали нас с Тамарой в колясках и познакомились, то есть примагнитились: мамы друг к другу, а Тамара ко мне, потому что она первая протянула руку и стащила с меня панаму. Осень, зиму и весну мы переживаем в разных городах, а в июне обязательно встречаемся, чтобы целых три месяца «дружно куролесить» на даче, как говорит папа. А разве можно представить что-то лучше летнего куролесивания, или куролешения, или куролесинья?!

Я приезжаю на дачу с мамой, папой, бабушкой и Женей. Хорошо, что мне девять лет, а не четырнадцать, как Жене. Я даже не уверена, что хочу, чтобы мне исполнилось четырнадцать, но никуда не деться, исполнится. Женя высокая, с длинными руками и ногами, поэтому её взяли в баскетбольную команду, и Жене на даче тесно, то есть скучно. Не только в доме, а везде. Когда мне измеряют рост у дверного косяка, я всегда загадываю, чтобы не вырасти такой секвойей, как она. Кстати, секвойя – самое высокое дерево в мире. Пока не выросла, то есть выросла, но как нормальное дерево, типа берёзы.

Так уж получилось, что мы с Женей родные сёстры. И, если честно, я всегда думала, что она меня не любит. За что любить того, кто тебе мешает? Но тогда зачем меня завели? Это не я просила родителей родить младшую сестру. Женя сразу отмахивается, что в пять лет не знала, как мешают младшие сёстры, а просто хотела кого-нибудь в компанию, чтобы не играть одной. Только потом выяснилось, какая я противная, но поздно. Честное слово, я не специально вредничала! Как я могла, например, не орать, если все младенцы орут? Я орала сама по себе, а не назло Жене, но её разве убедишь.

После всего, что случилось этим летом, выяснилось, что Женя меня всё-таки любит, а вначале она сломала руку и не поехала со своей командой на сборы. Как все вопили и носились туда-сюда! Нам целыми днями звонили тренеры, врачи и обе наши бабушки. Мама выбросила Женин скейт – прямо на помойку отнесла, потому что он был виноват в поломке руки. Мама всегда очень расстраивается, когда происходит плохое, и ей надо быстренько наказать виноватого.

– Не стоит обижаться на маму, – всегда предупреждает папа. – Это она от страха такое отчебучивает! Тонкая душевная организация.

Я думала, что Женя от горя уйдёт из дома и хотя бы пару дней проживёт где-нибудь в домике для привидений, а я бы тайком носила ей булочки и вишнёвый сок, потому что я добрая, но никто не ушёл. Домик для привидений – это трансформаторная будка у нас в городском дворе. Я всё никак не могу запомнить такое сложное слово, поэтому иногда говорю «трансморфаторная», но это неважно. Потом все успокоились, мама извинилась перед Женей, Женя сказала, что давно присмотрела новый скейт, и папа увёз мою длинную секвойевую сестру на дачу на машине, набитой чемоданами, рюкзаками и сумками, а мы с мамой любим кататься на электричке, нас туда калачом не заманишь, то есть, наоборот, – заманишь, то есть нас даже заманивать не нужно, поэтому мы поехали как обычно. Я напихала в рюкзак тетрадок, пенал с разноцветными ручками, наклейки и ещё всякой всячины, потому что люблю всё записывать и украшать.

– Дуня, – спросила мама, – ты рада?

– Я рада.

* * *

Получается, что рассказывать я начала немножко с конца, но это, наверное, ничего. И вообще надо было всем поменять имена, и название нашего дачного посёлка тоже поменять, ведь Самоварово – не очень книжно звучит, а я пишу книгу, потому что обещала Алёше Колокольчикову. Так вот, было бы здорово, если бы Самоварово называлось хотя бы Бабочковым или Розово-Орхидеевым. Услышишь и сразу представляешь что-то красивое и необычное. Например, мой любимый писатель Джеральд Даррелл поехал на каникулы на остров Корфу. Корфу звучит очень книжно, потому что загадочно или, наоборот, – загадочно, потому что книжно. Я там не была, но знаю, что ночью на Корфу трудно уснуть из-за стрекочущих сверчков, а ещё там почти невозможно найти дом с ванной, в общем, я твёрдо решила, что в будущем обязательно туда поеду. На ванну наплевать, ведь есть целое море, а сверчки милые. Сначала я даже собиралась встретить на Корфу всех знакомых: Спиро, Лугарецию, Человека с Золотыми Бронзовками, Теодора, но вовремя спохватилась – они же давно умерли.

Когда кто-нибудь узнаёт, что мне нравится Джеральд Даррелл (то есть его книжки, но он и сам наверняка был добрым), так сразу говорят: «Ну, Дуня, наверное, будет биологом!» Понятия не имею, кем я буду. Дурацкий вывод, потому что, если Джерри любил всякую природу с жуками и голубями, это ведь не про меня. Мне ещё надо подумать, что выбрать для любви, природа тоже подходит, но только не пауки!

Если честно, я ещё никогда в жизни не писала книжек, но думаю, у меня получится, ведь главное в книжке – приключения, чтобы не скучать, пока читаешь, а приключений со мной наприключалось достаточно. Может, они и не такие необычные, как у Джерри, но всё равно неплохие. Заодно я хотела выдумать себе псевдоним – Мирабелла или Валенсия, но Алёша Колокольчиков сказал, что тогда не будет читать мою книжку, потому что Дуня – самое красивое имя в мире. Я спросила, можно ли не присоединять фамилию, потому что писатель Дуня Кукушкина звучит совсем не похоже на Джеральд Даррелл. Алёша подумал и предложил подписываться Дуня К.

Кто будет читать мою книжку, если вдруг она вам попадётся, не пропускайте, пожалуйста, описания природы, они хорошие.

Глава первая

– Это Марьи Петровны внучка, что ли? Такая большая! Ой-ой-ой! В третий класс пошла?! Моя Анютка в четвёртый. С пятёрками закончила. И грамоту за шахматы принесла. А косы-то у тебя какие, Груша!

– Я не Груша, я Дуня!

– Ой, прошу прощения! Помню, что имя эдакое – то ли Груша, то ли Лукерья.

Я не люблю, когда нас с мамой останавливают на дороге незнакомые знакомые моей бабушки Марьи Петровны. Она их везде заводит и радуется, а нам расхлёбывать. Мама, как обычно, вежливо улыбалась, кивала и поддакивала, потому что в нашей семье она «взрослый интеллигентный человек», а я дула на чёлку, потому что всегда так делаю, когда волнуюсь или злюсь. Чёлка вставала дыбом и опадала, вставала дыбом и опадала. Почему-то мои друзья бабушку не подлавливают у магазина, не треплют за щёки и не удивляются: «Это Дуни Кукушкиной бабушка? За мармеладными червяками поскакала? Вот молодец! На Дуню-то как похожа! А выросла-то как!» Никому нет дела до бабушкиного роста, и на кого бабушка похожа, и какие у неё оценки в школе. Ну, ладно, про школу и правда не стали бы спрашивать.

– Мама скоро приедет. Она участвует в выставке кошек, – объяснила моя мама про нашу бабушку женщине в оранжевом спортивном костюме.

Бабушка и правда участвует в выставке кошек, только не сама, конечно, тут бы ей никаких призов не досталось. Соревнуется с другими кошками бабушкина «снежинка» Василиса. Я бы сразу давала ей первое место, а всех остальных кошек определяла на второе и дарила бы утешительных заводных мышей. Кошки бы шипели и возмущались, но что поделать, если нет в мире никого из семейства кошачьих красивее бабушкиной Василисы – она белая, пушистая и голубоглазая.

– Ну, успехов Марье Петровне! – кивнула знакомая в оранжевом костюме. – А вы знаете, что на вашей улице угловой дом купили? Новые соседи пожаловали.

– Шумные? – сразу уточнила мама. Больше старого Жениного скейта мама ненавидит шум.

– Нет, вроде бы тихие, – прищурилась бабушкина знакомая. – Тихие всегда очень подозрительные.

– Ничего, нам подходят, – сказала мама, подхватила рюкзак, который пасся в травке на обочине, и кивнула мне, мол, пошли проверим, что там да как и с нашим домом, и с соседями.

– Колокольчиковы их фамилия, – крикнула нам вслед бабушкина знакомая и добавила: – Алёна, тебе перцев не надо? У меня рассада лишняя.

Алёна Кукушкина – это моя мама, она не очень любит возиться с рассадой: со всякими перцами, помидорами, огурцами. А если её спрашивают почему, мама объясняет, что у неё не доходят руки. Когда я была в первом классе, всегда смеялась, потому что, как руки могут не доходить, они ведь не ноги, но уж в конце второго класса хватает «соображаловки» понять, что к чему. «Соображаловка» – папино слово, и таких слов у него «полна коробочка».

У мамы удалённая работа – она переводит научные статьи с английского и французского, а потом посылает их таинственному Заказчику. Раньше я думала, что это такой человек в длинном плаще и шляпе, похожий на Кощея, но потом выяснилось, что все заказчики разные, и вообще это может быть, например, целый завод. Даже летом мама работает, потому что наука ждать не будет. Кроме работы за три месяца маме надо успеть сделать главное дело – «слиться с природой»: посидеть с закрытыми глазами в раскладном кресле на лужайке, пособирать в рот землянику в берёзовой роще, поплавать в озере. Ещё маме нравится выбрасывать из дома «всякую рухлядь» и составлять список подозрительных вещей, например: кран в ванной подозрительно хлопает, а духовка на кухне подозрительно мигает лампочкой. Свой подозрительный список мама передаёт папе и говорит: «Вова, с этим надо что-то делать! Сил моих больше нет!» Ещё мама любит высаживать в кашпо петунии и фотографировать всяких жуков настоящим фотоаппаратом, а не телефоном, но для этого ей нужно дожидаться вдохновения. Получается красиво, только жуки выглядят так, будто выпрыгнут сейчас из фотографии, завоюют мир, и люди будут у них на побегушках. Какое счастье, что пауков мама остерегается и не считает фотогеничными. В общем, ей некогда копать, рыхлить, поливать и собирать в баночку вредителей. За неё всё это делает папа. Попутно у папы работает инженерная мысль, потому что он инженер – логично, так что у нас на участке есть уникальная поливалка, уникальная сушилка и уникальное пугало, которое само вертится. Папа называет его Труфальдино Избергамо.

Когда бабушкина знакомая заговорила про новых соседей, я не сразу сообразила, что она имела в виду земляничный дом с мятной крышей, но фамилию ухватить успела – Колокольчиковы. Она хорошая и кругленькая.

Навстречу нам шёл папа в моей любимой зелёной футболке с бобром, вернее в своей любимой, но мне она тоже нравится. Папе её подарили в заповеднике, где он помогал что-то благоустраивать – устраивал благо бобрам. Наверняка у них теперь плотины с автоматическими дверцами и хатки с интернетом.

– Ну, дотрюхали, голубицы? – Папа забрал у мамы тяжёлый рюкзак, а у меня лёгкий.

– Не дотрюхали, а доехали, и мы не голубицы! – Я сделала сердитое лицо, но сразу сдалась и засмеялась. – Мы птички-колибри!

Папа вечно придумывает смешные прозвища, я его сразу исправляю, как учительница, но потом не выдерживаю строгости и всё равно смеюсь.

– Как Женя? – спросила мама.

– Женя как Женя, – пожал плечами папа. – Ходит по двору, как саблезубый тигр, рычит, дует на весь белый свет. Я говорю, давай на тачке покатаю или в дождевую бочку посажу – не хочет, а я предлагал погрузиться с маской и трубкой – не баран чихал!

– Я хочу в бочку! – Я вешаюсь на папу и подставляю ему нос для чмока.

– Какая ещё бочка, Вова! – улыбается мама. – Гипс размокнет.

Мама понимает, что папа шутит, но всё равно наводит порядок – объясняет что да как.

* * *

Мы подходим к нашей калитке, и я сначала прижимаюсь к ней, к каждой тёплой дощечке, а потом толкаю и прокрадываюсь во двор на цыпочках. Не от страха, конечно, крадусь, а для осторожности, чтобы всё вокруг не нарушилось и не исчезло. Вдруг каникулы мне приснились, сейчас прозвенит будильник, и придётся под снегом тащиться в школу? Но нет, всё настоящее, даже Трёшка сидит на ступеньках, как копилочка, пришла проверить, не сильно ли мы страдаем без мышей, а то вдруг папа с Женей уже съели тех, которых она вчера приносила.

Главное на месте: крыльцо, яблони, дождевая бочка, папина экспериментальная теплица с помидорами. В прошлом году никто в классе не поверил, что папа выращивает «белых мохнатых кабанов» и «загадочных странников», но потом убедились, что такие сорта помидоров правда существуют. Занавесочки на окнах, малина у забора, даже мой велик на месте! Выкатился встречать хозяйку. Уф! Как же я по всем соскучилась!

Осталось найти Женю. Наверняка она торчит в доме и никого к себе не подпускает. Нянит руку в гипсе, слушает музыку и злится, как Баба Яга. Я забегаю на веранду, примечаю в бабушкином кресле свою любимую подушечку с аленьким цветочком, а на полу ковёр с оленями, по которому я ещё маленькая ползала, – сушится на солнышке после долгой зимовки и весновки. В проходной комнате везде коробки и папин раскрытый чемодан, из которого свисает полосатый носок. Вот мама ему задаст! Папе, а не носку. Хотя, может, и носку попадёт, и чемодану. А что он тут разлётся посреди комнаты, мог бы за диван сдвинуться! Женя наверху и даже не подумала к нам спуститься. Я поднимаюсь на второй этаж и толкаю голубую дверь.

– Закрой дверь и постучи! – получаю я от Жени вместо «привет, дорогая Дунечка». Ощущение примерно как от щелбана.

Ладно, мне не трудно закрыть дверь и постучать, если старшей сестре это так уж нужно. Только теперь она и в мою комнату без стука не зайдёт. Ни за что! Все пусть заходят, а ей – фигурки! Да! Сто фигурек! Сто двадцать пять! На мой стук из-за двери слышится:

- Чего тебе?
- Я приехала.
- Давно не виделись. И что?
- Ничего.
- Я занята.
- Ладно.

Я отступаю. Рядом с Жениной дверью – моя, тоже голубая, только с медвежонком. В прошлом году я вырезала его из старого журнала и приклеила на видное место. Мама ругалась, что на двери останется пятно от пластилина, но разрешила не снимать картинку. Конечно, если пятно всё равно уже есть, медвежонок его отлично загорживает.

Я берусь за круглую ручку, но не тороплюсь толкать дверь, потому что побаиваюсь, вдруг за год моя комната изменилась – уменьшилась, например, или в ней появился пятый угол. А вдруг выбросили мою детскую софу и купили что-нибудь подушечно-пузатое на ножках! И как мне тогда возвращать все сны, если они хранились в старой софе?!

Я зажмуриваюсь и захожу. Считаю до трёх, потом для верности до пяти, открываю глаза и вижу, что всё на месте: софа, столик, лампа, а полки с книжками и журналами так и манят. На стене над софой сидит дачный солнечный зайчик, наверняка тот же самый, что в прошлом году. Я накрываю его ладонью – тёпленький, и он сразу просачивается между пальцами. Сердце тукает, в ушах шумит – это меня затопляет радость: ш-ш-ш-ш-ш-ш! И только тут я вспоминаю про земляничный дом с мятной крышей и про Тамару, наконец соединяю всё, что услышала, и понимаю, что какие-то Колокольчиковы поселились там вместо моей подруги. Произошло то, чего не могло случиться никогда! Да, именно никогда, ведь Тамара – это почти я,

ей совершенно нельзя никуда исчезать! Лета без неё не бывает, как не бывает без покрывала для пикника на зелёной траве и без толчёной клубники с сахаром, без первого купания среди кувшинок. Вдруг это ошибка, и если я забегу во двор, засаженный чубушником и сиренью, то из беседки высунется моя лучшая в мире подруга и крикнет: «Иди к нам играть в “Пират похищает принцессу”». Никто лучше Тамары не изобретает настоящие настолки-ходилки-бродилки. Она всегда сама рисует поле и всякие препятствия, придумывает задания, а мне доверяет вырезать фишки или раскрашивать героев. Доверяла. Потом старенькие Валенки насыпят мне полные горсти карамелек, а Мишка с Антошкой обрызгают из водяных пистолетов. «Как делишки?» – спросит Тамара. «Нормально, ваше высочество!» – отвечу я. «Точно? Не врешь?» – сошурится Тамара – она не любит, когда врут.

Я спускаюсь на первый этаж, выхожу на крыльцо и отпрашиваюсь у мамы:

– Можно к Тамаре? Я на велике.

– Так дом ведь продали, ну, съезди, только не вваливайся сразу во двор, там уже чужие.

Мама сидит в раскладном кресле посередине лужайки и «сливается с природой», которая хорошенько подготовилась к её приезду: расцвела, потеплела и пахнет свежим огурцом. На носу у мамы круглые солнечные очки, в которых она похожа на стрекозу. Я знаю, что маминны глаза за очками совершенно сухие. Она не плачет, ей не о чем горевать, а вот я уже еле удерживаю слёзы. Они подползают к уголкам глаз, как шпионы, поэтому на всякий случай я запрокидываю голову, чтобы им труднее было подползать.

– Там вроде старичок какой-то с мальчиком – в угловом доме, – говорит папа и вручает маме высокий стакан с морковным соком. – Сеньор Моркоу – лучший из лучших в приготовлении морковного фреша – просил передать. Трубочку?

– Да, пожалуйста, – кивает мама и улыбается папе.

Я убираю велосипедную подножку, ставлю левую ногу на педаль, отталкиваюсь, закидываю правую и качусь к калитке, которую после нашего пришествия никто не закрыл. Как здорово, что, если однажды научился кататься на велике, уже не разучишься, поэтому можно не думать, как рулить и как крутить педали, руки и ноги сами справляются. Голова трясётся, потому что дорогу посыпали мелкими камешками, и велик подпрыгивает, а когда тебя трясут, попробуй удержать слёзы, они тут же сыплются, как брызги из душа. Такая уж я плакучая уродилась.

* * *

Земляничный дом с мятной крышей, как всегда, высматривал на дороге своих – два окошка на втором этаже моргали синими занавесками. Когда я подрулила поближе, дом улыбнулся мне балкончиком. Хорошо быть своей.

Я прыгнула с велика, прислонила его к забору и подошла к калитке. Мама права, там теперь чужие люди, может быть, злые и не любят гостей. Да мне они и не нужны совсем, мне нужна Тамара. Я постояла, поскребла ногтем застывшую каплю краски на дощечке, прислушалась – никаких знакомых голосов. На забор призаборилась маленькая птичка с розовой грудкой, точно не синица. Вот Джерри сразу бы определил породу или как там у птиц – вид? Я на минуту представила, что вдруг Тамара превратилась в эту птичку и прилетела, чтобы повидаться со мной и утешить. И пусть кто-нибудь попробует разубедить меня, что такого не бывает. Я кивнула птичке-Тамаре, она склонила набок круглую серенькую головку и смешно чирикнула: «Чунык!»

Хорошо, что слёзы прекратились, наверное, для долгого плача во мне накопилось мало-вато жидкости. Вот сейчас вернусь домой и тоже попрошу у папы морковный сок в высоком стакане. Буду, как мама, сидеть в раскладном полосатом кресле, сливаться с природой, пить сок и ждать, когда лето начнёт разваливаться, ведь понятно, что так и будет.

Я вернулась к велику, погладила седло, багажник, взялась за руль, чтобы выкатить своего дорогого дружочка обратно на дорогу, и тут в траве что-то мелькнуло – тряпка или бумажка? Меня с детства ругают, чтобы не подбирала на улице всё подряд, но я постоянно забываю и подбираю, но хотя бы в рот перестала тащить. В этот раз подобрала мятую клетчатую кепочку с жёлтым козырьком – детсадовскую такую. Я не люблю, когда что-то теряется, наверняка хозяин или хозяйка сейчас ищут эту кепочку и думают, что она больше никогда не вернётся домой – на крючок в прихожей, будет пылиться в траве, потом пойдёт дождь, размажет по ней грязь, приедет мусорная машина, и мусорщик острой палкой наколет кепочку и бросит в пасть мусоровозу. Нет уж, так не пойдёт! Я опять прислонила велик к забору и на этот раз не стала скрестись у калитки, а сразу постучала. Никто не ответил. Это понятно, потому что на дачах всегда много звуков, и тихий стук в дощечку не слышать. Тогда я просто вошла и крикнула: «Ау!»

Глава вторая

Обычно в Тамарином дворе, прямо посередине, толпились велосипеды, валялись недоделанные воздушные змеи, мячи и мечи, за сиренью обязательно пряталась настоящая палатка, круглая и оранжевая, как мандарин, сбоку от крыльца ставили стол для настольного тенниса, а слева, под навесом, нас поджидал лучший в мире аттракцион – прыгучая кровать с железной сеткой и блестящими шарами на спинке. Эта кровать досталась хозяевам земляничного дома от старых хозяев, и на ней когда-то лежала толстая перина, как у принцессы на горошине, но потом исчезла. Кровать тоже хотели выбросить, только разве можно запросто расстаться с таким развлечением! Не проходило дня, чтобы мы с Тamarой не прыгали на скрипучей сетке и не хохотали на всё Самоварово. Близнецы не отставали. Наверняка Тамара уговорила родителей забрать кровать на новое место, я бы точно уговорила. Эх! А ещё в земляничном доме с мятной крышей всегда толпилось много народу и пахло вкусным – то тортом «Наполеон», то котлетами, то вареньем из одуванчиков. Все шумели, сустились, строили и ремонтировали, пели и громко читали стихи с балкона, играли в лото с пузатыми бочонками, брызгались из шланга и валялись на траве. Тамарин папа – дядя Женя – называл их дачу «ульем», а про себя говорил, что он «главный пчёл».

Я стояла на знакомой дорожке с кепочкой в руках, оглядывалась и чувствовала, что слёзы опять подползают – двор был совсем пустой. Чубушник ронял белые лепестки, как будто тоже плакал. Наверное, так в книжках и пишут, когда нужно рассказать, что происходило внутри главного героя – через описание природы.

Из куста вылетела пчела и закружилась со злым жужжанием прямо у меня перед носом, поэтому я сразу поняла, что это не добрый главный пчёл дядя Женя, а посторонняя злая пчела, возможно, дикая. Только этой жужжалки не хватало! Вдруг она меня ужалил прямо в день приезда, и я раздуюсь, как надувной матрац. «Главное – не махать руками», – подумала я и тут же замахала.

– Девочка, ты заблудилась, что ли? – В открытое окно Тамариной кухни выглянул бородатый старичок в красной шапочке и в круглых очочках. Если бы шапочка была, например, с завязками и с острой верхушкой, то получился бы Красный Шапочек. – Ты пчелу-то не гоняй, а то ужалил.

Я ещё раз махнула кепочкой, прислушалась, гудит надо мной или нет, а потом спросила:

– Это ваша кепочка? Я в траве нашла. Тут раньше жила моя лучшая подруга Тамара. – Я подошла к крыльцу.

Кстати, мы оба забыли поздороваться, но, наверное, это ничего страшного.

– Погоди-ка, – кивнул старичок и исчез в окне.

Я обернулась к сирени, на которой висели уже пожухшие фиолетовые кисточки, раздвинула ветки и заглянула за куст, как будто надеялась, что оранжевая палатка всё равно там, просто за ветками не видно.

– Меня Антон Семёныч зовут, а тебя как? – Старичок спустился с крыльца и вытер руки клетчатым полотенцем, заправленным за пояс джинсов с заплатками.

– Меня Дуня зовут. Кукушкина, – добавила я, хотя фамилию никто не спрашивал.

– Как славно, – улыбнулся Антон Семёныч. – А моё фамилие Колокольчиков.

– Вообще-то надо говорить «моя фамилия», – сказала я тихим голосом, наверное, пожилых людей нельзя поправлять.

– Правильно! Но фамилие звучит красивше, как по мне. – Антон Семёныч поднял вверх указательный палец. – Тэк-с, кепочка, говоришь. Дай-ка поглядеть.

Я протянула ему свою находку:

– Может, не ваша, я просто...

– Наша! Очень даже наша! – обрадовался Антон Семёныч и погладил свою коротенькую бородку. – Алёшка! Ты где прячешься? Тут твой головной убор вернулся на родину.

Я завертела головой, чтобы первой найти, где прячется этот Алёшка, и тут сверху послышался голос:

– Эх вы! Никто меня не заметил! Ну даёте!

На старой сосне, которую Тамарин папа хотел спилить, а Тамарина мама не давала, сидел мальчик. Вернее, он сидел на толстой ветке и болтал ногами. К ней раньше всегда привязывали верёвочные качели, и я аж рот разинула, потому что на эту ветку мы с Тамарой тоже пытались вскарабкаться, только недокарабкались.

– Тэк-с, – покачал головой Антон Семёныч. – А ну если я в тебя калошей кину?

Я посмотрела на его ноги – никаких калош, обыкновенные кеды.

– Не кинешь, – засмеялся Алёша.

– И правда не кину, потому что ещё не хватало, чтобы ты свалился. Чего тебя на дерево-то понесло?

– Просто так! Я сейчас слезу. Я лестницу приставил.

Вот! А мы с Тamarой не догадались про лестницу. Антон Семёныч сразу заглянул за дерево, и я за ним, потому что очень хотелось посмотреть, как Алёша Колокольчиков будет спускаться. И он ловко спустился, как по шведской стенке на физкультуре, стряхнул с футболки сосновые чешуйки и протянул руку:

– Давай кепку! Спасибо! Ты где её нашла?

Я смотрела на него сверху вниз и чувствовала, как щёки становятся горяче-малиновыми. Не хватало ещё, чтобы он догадался, что я стесняюсь.

– Она за забором валялась.

Алёша Колокольчиков нахлобучил кепочку на круглую голову и сунул руки в карманы шортов. Я рассматривала его и думала, почему мне не всё равно, какой он – этот мальчик, который поселился в Тамарином земляничном доме с мятной крышей. Во-первых, Алёша Колокольчиков маленький – мне по плечо, во-вторых, заморыш, как говорит наша учительница по физкультуре, у нас в классе точно бы в самом конце шеренги стоял, и ещё белобрысый. Волосы у Алёши росли как хотели – завихрюшками. Лицо в веснушках, даже на подбородке их целая поляна, только не ярких, как у рыжего Вани Котова из нашего класса, а еле заметных. Но главное, Алёша смотрел на меня разноцветными глазами: одним – зелёно-голубым, а другим – светло-коричневым. Светло-коричневый Алёша Колокольчиков время от времени щурил.

– Как же ты свою кепку за забором посеял? – усмехнулся Антон Семёныч.

– Не знаю, – пожал плечами Алёша. – Сама сбежала. Между прочим, дедушка, я к забору не подходил – это раз, через него не перевешивался – это два, и не кидал гусям хлеб – это три.

– Каким гусям? – спросил Антон Семёныч.

Да, мне тоже было очень интересно каким.

– Обыкновенным белым с красными лапами и ленточками на шеях, а на ленточках – колокольчики. Их незнакомая старушка гнала вон туда. – Алёша кивнул вправо. – А я ел булку и им крошил, правда меня эта старуха заругала.

Антон Семёныч покачал головой:

– Ох, Алексей, какие такие гуси с колокольчиками?

– Это чтобы их удобнее искать, если разбегутся. А вы знали, что гуси могут видеть ультрафиолетовый свет, а люди не могут? – Алёша Колокольчиков посмотрел сначала на дедушку, потом на меня. Я не знала, и мне вообще было всё равно.

– Вот ума палата! – засмеялся Антон Семёныч. – Гусевед ты наш.

– Ты же только что сказал, что не перевешивался и не кидал! – перебила я Антона Семёныча, потому что обычно не могу ждать, чтобы выяснить правду. Алёша Колокольчиков соврал и тут же попался, а его дедушка как будто не заметил.

– Что не кидал? – переспросил Алёша.

– Да хлеб! – Я это чуть ли не выкрикнула и дунула на чёлку.

Зачем он вообще тут поселился?! Мне даже показалось, что, если бы Алёши Колокольчикова не существовало на белом свете, Тамара бы никуда не уехала и мы бы опять играли всё лето, без всяких гусей с колокольчиками. Я огляделась в надежде увидеть птичку с розовой грудкой, но вокруг летали только капустницы и мошки.

– А-а, хлеб. – Алёша почесал нос. – Ну, да. Немного я всё же кинул. Немного виртуального хлеба голограммовым гусям. Это шутка, понимаешь?

– Это враньё вообще-то. – Я наклонилась и дёрнула торчащую выше других травинку с пушистой метёлкой. Что это я закипятилась? То есть раскипятилась. Как бы не перекипятилась! Значит, этот Алёша Колокольчиков «умник», как говорит наша учительница Светлана Львовна.

– Ладно, ребята, вы знакомьтесь, а я пойду борщ доваривать, – улыбнулся Антон Семёныч и правда пошёл к дому.

– Не сердись из-за гусей. Как тебя зовут? – спросил Алёша и снова прищурился.

Тут я опять разозлилась, потому что если он сидел на сосне и шпионил, то точно слышал, как я назвала своё имя его дедушке.

– Меня зовут Маша Кошкина.

– Значит, у тебя двойное имя и двойная фамилия? – выкрутился Алёша Колокольчиков. – У меня тоже. В свидетельстве о рождении я Алёша Колокольчиков, но тайное имя у меня другое.

– Какое? – Я не успела сообразить, что могу угодить в ловушку, сейчас Алёша закрутит меня, и я не отделию правду от вранья.

– Ну, пока я не могу тебе сказать, потому что имя тайное, а ты человек незнакомый.

– Ты просто врёшь! Врёшь, врёшь и врёшь!

Я решила сразу ему об этом сказать, пусть знает, с кем имеет дело.

– Все так говорят, все думают, что я вру, а я не вру. – Алёша Колокольчиков сощурил светло-коричневый глаз. – Хотя нет, вру иногда, но никто не знает когда. Даже дедушка. Он сто раз попадался. Думает, я насочинял, а окажется – правда, и наоборот.

– Да ну тебя. – Я махнула рукой и пошла к калитке. Зачем только с ним заговорила!

– Эй, Дуня! Приходи завтра клад раскапывать. Тут клад зарыт за беседкой. Я точно знаю!

Я остановилась. Во-первых, когда к тебе обращаются по имени, просто так не отмахнёшься, во-вторых, как я могу сразу определить, правда клад зарыт или враньё. В-третьих, клад показался мне в любом случае интереснее голограммовых ультрафиолетовых гусей. Только рано радоваться, наверное, это не клад, а секретик – цветочки и пёрышки под стёклышком. Да я такие клады уже в подготовительной группе детского сада перестала зарывать.

– Мне некогда. – Я обернулась и сказала это таким голосом, что сразу было понятно – точно приду.

– Вот и хорошо, – сказал Алёша Колокольчиков. – Ты на все каникулы здесь или на чуть-чуть?

– Не знаю, – буркнула я, хотя прекрасно знала, что на все.

– Ладно. Кстати, я ещё мысли умею читать на расстоянии, – предупредил меня Алёша Колокольчиков. – Только не спрашивай, про что ты сейчас думаешь. Я читаю, только когда есть настроение, сейчас нет.

Я тихонько зарычала и толкнула калитку. По дороге проехали на велосипедах большие мальчишки, а потом с соседней улицы выкатилась тележка, которую везла настоящая лошадь! Вот мне повезло! Лошадь выглядела почти так же, как в нашем городском парке, только без бантиков и попонки. Самоварово, конечно, деревня, которая притворяется дачным посёлком, но настоящих лошадей тут немного. Если честно, это была первая за всю мою жизнь. На душе сразу стало веселее. Всё же с лошадьми на белом свете жить лучше – они добрые, красивые и шёлковые на ощупь. В тележке сидела женщина в белой панаме, а за спиной у женщины громоздились наличники – это такие кружевные оборочки вокруг окон, только тут они, конечно, были сами по себе, отдельно от домов. Я обернулась, чтобы крикнуть Алёше Колокольчикову: «Тут лошадь!» Но калитка за мной оказалась плотно закрыта.

– Эй, девочка! Тпррру, Нюшка, тпррууу! – Женщина в белой панаме натянула такие специальные ремешки, которые называются ножны, то есть вожны или как-то очень похоже, и ещё раз крикнула:

– Тпррру, лихоманка! Девочка, где тут музей наличников, не знаешь?

– Не знаю, – сказала я честно.

Лихоманка Нюшка повернула ко мне морду и внимательно посмотрела блестящими чёрно-коричневыми глазами в ресницах, как будто вспоминала, знакомились мы когда-нибудь или нет.

– Никто не знает, – вздохнула женщина в белой панаме, чмокнула и дёрнула вожжи. Точно! Вот как называются эти ремешки.

Нюшка махнула хвостом и повезла тележку дальше.

Я решила никому не говорить про новое знакомство. Мама обязательно спросила бы, в каком Алёша классе, а я и не выяснила. Папа бы назвал Алёшу Одуванчиковым или Крокодилчиковым. Что сказала бы Женя, нетрудно догадаться, точно что-нибудь обидное. Я крутила педали, а в голове крутились мысли и картинки, одни обгоняли другие, но главная почему-то была про клад. Мне уже хотелось скорее вернуться и откопать его, только вот я – растяпа – не спросила, во сколько приходит. Вдруг Алёша утром будет откапывать, а я просплю? Но если «подумать головой», как говорят у нас в школе, то ведь не может быть никакогоклада. Разве в девять лет в такое играют? Но это я о себе, Алёша-то, может, только восемь отпраздновал, а это большая разница.

Я закатила велик во двор и прислонила к яблоне. С веранды высунулась мама:

– Что-то ты долго.

– Я по нашей улице немного покатаюсь, – запросто соврала я, как будто моё враньё хорошее, а Алёшино плохое, и вообще я вру для дела. – Представляешь, кого я видела? Лошадь! Живую!

– Ладно, – кивнула мама. – Иди обедать!

– Можно потише?! – Из окна второго этажа высунулась Женя. – Раз у меня впереди самое мерзкое лето, дайте хотя бы поспать!

Мама сделала круглые глаза и приложила палец к губам, а я пожала плечами и подумала, что Женино мерзкое лето по сравнению с моим – цветочки-колокольчики, у неё лучшая подруга не исчезала навсегда. Странно, неужели в четырнадцать лет мне тоже захочется спать в тихий час! Ну нетушки!

Глава третья

У нас на даче есть шкаф, который папа прошлым летом привёз с настоящей помойки, правда, уточнил, что помойка мебельная, там нет картофельных очистков, банановой кожуры и яичной скорлупы, а только хромые табуретки, облезлые тумбочки и обшарпанные столы. Я сразу представила эту компанию и попросила папу в следующий раз захватить меня с собой, потому что я хочу взять у них интервью.

– У хромой табуретки? – переспросил папа.

– Да, и у тумбочки, потому что у этих старичков точно много секретов.

Женя, как обычно, подслушала наш разговор и посоветовала не забыть микрофон из скакалки, а я не растерялась, я сказала, что микрофонами из скакалки, может, наша бабушка в детстве интервью брала, а я, к счастью, живу с телефоном, в котором есть диктофон. Женя попросила папу убрать меня куда-нибудь подальше и запереть, мы порычали друг на друга – всё как обычно. Но я отвлеклась от шкафа.

Сначала мама не хотела пускать «эту рухлядь» в дом, потому что шкаф и правда выглядел, как облезлое чудовище, но папа умеет убеждать – он поспорил, что если через неделю мама это чудовище узнает, то папа, так и быть, увезёт его обратно, а если не узнает, придётся смириться. Мама согласилась. Мне было очень интересно, что получится, но папа затащил шкаф в мастерскую и всем запретил совать туда нос. Иногда мне кажется, что папа в мастерской колдует. Ну, может, и не варит зелье из сушёных мышей, болотной тины и драконьих зубов, а, например, придумывает машину времени. Её ведь так и не придумали до сих пор! Я старалась выполнять обещание не подглядывать, но иногда подглядывала в щёлочку, потому что попробовали бы сами удержаться.

Наконец настал подходящий день, чтобы проверить, кто выиграл: мама или шкаф, то есть мама или папа. Папа причесал свои кудри, надел любимые шорты и попросил меня сложить в гармошку длинную полоску старых обоев, которую вытащил в мастерской из мешка. Я привыкла, что папа иногда даёт странные поручения и не задавала вопросов, просто сложила. Оказывается, эта полоска нужна была для воротника, как у знатных вельмож на портретах в музее.

Папа завязал маме глаза моим зимним шарфом, который завалился на дачной вешалке, на шею ей приладил вельможный воротник, а на голову нацепил жёлтый пластмассовый тазик, в который мы обычно собирали яблоки, – всё это чтобы «подчеркнуть торжественность момента». Бедная мама не сопротивлялась. Себя папа тоже не забыл и надел на голову бабушкину хозяйственную сумку, а мне нахлобучил кастрюльку для каши и велел держать за обе ручки, чтобы не свалилась. Если бы за нами подглядывали соседи, они бы лопнули со смеху, подумали бы, что клоуны репетируют представление. Потом родители пошли к сараю под папину песню: «Под небом голубым есть город золотой, с прозрачными воротами и шкафом со звездой. И лаковый тот шкаф прекрасен, словно граф. Прошу тебя, о ангел мой, скажи, ведь я был прав». Я ничего не поняла в этой песне, но мелодия понравилась.

Мама честно не подглядывала и, когда папа снял шарф, ахнула:

– Ну и ну! Нет слов, Вова! Красота неАмоверная, как говорила моя няня Зоя! Кстати, а когда ты выкинешь этот мешок со старыми обоями? Они вон заплесневели уже. Можно снять таз?

– Можно. Смотри на шкаф, – прошептал маме на ухо хитрый папа.

Мама поставила таз на папин рабочий стол и подошла к шкафу поближе: она открывала дверцы, выдвигала ящики, водила пальцем по рисунку, который появился там, где раньше была только потрескавшаяся краска. Рисунок мне тоже очень понравился: на чёрном фоне большие голубые и малиновые цветы, зелёные листья, звёзды и сказочные птицы с лицами, как у девушек.

– Тут вот маленько краска потекла, но вроде не видно. – Папа поскрёб ногтем птичий хвост.

– Вова, ты гений! – сказала мама. – Только зеркало какое-то уж очень крапчатое. Может, заменим?

Тут вмешалась я:

– Ни за что не надо менять такое загадочное зеркало, у меня в нём много веснушек.

– Уговорила, – улыбнулась мама. – Но, Вова, я не шутила про мешок с обоями. Там уже, наверное, мыши гнёзда выют.

К моему большому сожалению, мама оказалась не права – в мешке не было ни одного мышиного гнезда, поэтому его всё же выбросили. Если бы гнёзда были, я бы за мышей точно вступилась.

А шкаф, конечно, оставили. Даже выделили ему место в большой комнате. Теперь всех гостей водят смотреть на такой экспонат, а папа раскланивается и каждый раз говорит одни и те же слова:

– Ну что вы! Какой шедевр! Это у меня случайно получилось!

* * *

Вечером, перед тем как подняться в свою комнату, я навестила шкаф: посмотрелась в зеркало, и оно послушно отразило меня с «веснушками», их стало даже больше, а потом я раздвинула вешалки с дачными нарядами и залезла внутрь. Пахло деревом, травой, мхом, немного кошками, но это, наверное, от старой маминой жилетки из какого-то «тушкана», кажется, мексиканского. Сейчас я выросла, в третий класс перешла и не надеюсь найти за вешалками дверь,

за которой прячется таинственный ход в волшебную страну, но на всякий случай проверяю. Двери не было. «Надо рассказать про шкаф Алёше Колокольчикову», – подумала я и удивилась, потому что Алёша мне совершенно не понравился. Ни капельки! Ни чуточки! Ни даже половинки инфузории-туфельки. И при чём он тут вообще?! Да и что рассказывать? Если бы дверца была, тогда понятно, а так, без дверцы, – шкаф и шкаф, пусть и расписной.

Я подняла ногу, чтобы шагнуть наружу, и тут споткнулась о коробку. Не знаю, почему меня заинтересовала обычная коробка от кроссовок, но руки сами сняли крышку. Жаль, что не вылетел джинн. Даже моль не вылетела. Я посветила телефоном и разглядела: красный блокнот с потрёпанными страницами, деревянную птичку-свистульку, дверную ручку в виде львиной лапы (никогда не видела дверной ручки без двери), шкатулку, в шкатулке какие-то брошки, значки, пуговицы, ещё в коробке лежала деревянная ложка с жёлтыми узорами, кружевная салфетка, похожая на бумажную снежинку, чёрно-белая фотография с оборванным уголком, на ней девочки в белых длинных платьях, под фотографией лежали наручные часы без ремешка и прозрачный фиолетовый камень. Неужели магический кристалл!

– Дуня, тебе какой пододеяльник надеть: в горошек или в клеточку? – крикнула со второго этажа мама.

– С собачками, – крикнула я, потому что люблю пододеяльник с собачками.

– Ладно, – крикнула мама.

Я не знала, что делать с коробкой, вернее, знала: можно было спросить маму или папу, потому что это наверняка их коробка, или сделать вид, что я ничего не находила.

– Ты чего там сидишь?

Я чуть не вывалилась из шкафа, потому что любой человек вздрогнул бы от неожиданности, если к нему подкрадываются и орут в ухо.

– Ничего! – Это мой любимый ответ.

– Всё дверь ищешь? – усмехнулась Женя. – Ну-ну.

– Отстань!

Я совсем не хотела показывать находку, хватало того, что меня застукали в шкафу, как будто я там строю домики для кукол или напяливаю мамины платья.

– Да кто к тебе приставал, – хмыкнула Женя и понесла свою руку в гипсе на веранду.

Я задвинула коробку поглубже в шкаф и потопала наверх. У меня ещё не было никакого плана, просто холодело в животе, а это верный признак, что я придумаю что-нибудь получше клада Алёши Колокольчикова. Например, свой клад! Медвежонок с двери подмигнул мне и продолжил притворяться простой картинкой.

– Мама, у меня два вопроса. – Я села на софу и стала расплетать косы, чтобы расчесаться перед сном и заплести одну.

– Спрашивай, – кивнула мама. Она по моей просьбе проверяла углы, нет ли там пауков. Особенно меня интересовал птицеед. Откуда птицеед мог взяться в Самоварове, меня не очень волновало, мало ли. Лучше перебдеть, как говорит кто? Правильно, папа!

– Вопрос первый: я красивее Жени?

– Ну...

– Погоди, я сразу оба вопроса. Вопрос второй: а у нас в доме есть какие-нибудь не очень нужные старинные вещи небольшого размера? Может, папа находил что-нибудь на помойке?

– Дуня! – Мама перестала вытирать подоконник, села на него и засмеялась. – Что ты всё эту помойку вспоминаешь! Не ляпни в школе.

– Начни с первого вопроса, – подсказала я.

– Вы с Женей обе красивые. И точка!

Сколько бы раз я ни спрашивала, у мамы всегда один и тот же ответ наготове. Ладно, наверное, ей правда трудно выбрать. Но мы ведь совсем разные: у Жени короткие волосы, у меня – две косы до попы, у Жени серые глаза, у меня – голубые, у Жени маленькие прижатые

уши, у меня тоже маленькие, но оттопыренные, у Жени высокий рост, у меня тоже высокий, но я всё равно четвёртая с начала в шеренге на физкультуре, в классе есть и повыше меня. У меня ямочки на щеках, у Жени щёки ровные, у меня обе руки целые, у Жени одна в гипсе, но это временно, можно не считать.

– Давай второй вопрос. – Я вздохнула и плюхнулась спиной на подушку. Почему на даче такие мягкие подушки?

– Не знаю, какие старинные вещи небольшого размера тебя интересуют, – пожала плечами мама. – Мне на ум приходит только бабушкина ручная мясорубка, которую давно пора выбросить, она мясо не крутит, а жуёт.

Ну, мама даёт! Как ей могло прийти в голову предложить мне старую жующую мясорубку!

– Нет, это не подходит, – сказала я и сжала губы, потому что чуть не произнесла вслух то, что только ещё появлялось в моей голове как план. Чуть не испортила всё дело своей болтливостью. Есть такие планы, в которые лучше не вмешивать маму или папу, потому что тогда ничего волшебного (хорошо – ничего интересного, я и сама уже не верю в волшебство) не получится. И самое главное, мне не хотелось, чтобы кто-нибудь сказал, что в моём возрасте уже не играют в раскопки.

В общем, я промолчала. И про коробку из шкафа тоже. Интересно, деревянная птичка свистит? Надо завтра попробовать, когда никого не будет в доме. Не знаю, что там в кладе у Алёши Колокольчикова, а у меня клад будет не хуже. И я его так зарюю, что никто не подкопается, что он не древний. В шкатулке точно есть ценные значки. Я все не успела рассмотреть, но один мне сразу понравился – улыбающийся мишка с воздушными шариками и с разноцветным пояском, а пряжка в виде колечек.

Не помню толком, как я спустилась в душ, как чистила зубы, как папа с Женей на веранде играли в настолку. Нет, про настолку помню, потому что Женя выигрывала и от радости стучала гипсом по столу. Так всегда бывает в день приезда – вдруг прямо на ходу нападёт дачный сон. Помню, как я плюхнулась на софу, завернулась в одеяло по своему любимому способу «голубец» и понюхала подушку, она пахла моим земляничным шампунем и летом. Перед глазами появился Алёша Колокольчиков в своей кепочке. Он подмигнул светло-коричневым глазом и сказал: «Твой клад не считается!» Я только хотела натянуть ему кепочку на нос и сказать, что он ничего не понимает в кладах, но не успела – ухнула в другое измерение и поплыла.

Глава четвёртая

– Эй, хватит дрыхнуть! Иди выпроваживай своих женихов!

Я открыла глаза и сначала понять не могла, почему Женя меня трясёт за плечо и что ещё за женихи. Это у неё женихи.

– Мммм... Чего? – Я проморгалась, чтобы согнать сон и натянула одеяло до носа.

– Ничего. К тебе какой-то мальчик-с-пальчик пришёл.

– Какой пальчик? – Наверное, сон не до конца сошёл, и я ещё плохо соображала, а может, я вообще плохо соображаю. Женя так и думает, кстати.

– На качелях сидит.

На этом разговор закончился. Я вылезла из-под одеяла и высунулась в окно. Ну и ну! Кроме Алёши Колокольчикова ко мне точно не мог прийти никакой мальчик-с-пальчик. Но как? Я ведь не говорила, где живу! И вообще его не приглашала. Это он меня приглашал. И что делать с коробкой, то есть с кладом? Я ещё даже лопату у папы не попросила, чтобы его закопать. И место не выбрала. От сна не осталось и следа. Раз Алёша Колокольчиков уже тут – на наших качелях, значит, придётся выйти, никуда не денешься.

На спинке стула висели два сарафана, джинсы, футболка с утёнком и серые спортивные штаны – выбирай что хочешь, не ошибёшься – всё хуже некуда. Это мама принесла из чемодана часть моей летней одежды. Сарафаны ещё ничего, с цветочками, но в них пока прохладно разгуливать, они для жары, джинсы надоели, спортивные штаны дурацкие, футболка с утёнком вообще мала. Почему у Жени есть всё, а у меня ничего?! Пижамы красивые – с облачками, но гулять в пижаме – не то. Может, если заправить кофту в штаны, сойдёт? Нет, не сойдёт. Теперь совершенно ясно, что Женю родители любят больше – ей недавно купили новые красные кеды и джинсовый комбинезон. Я стащила со стула футболку и спортивные штаны – пойду чуелом.

Дом подозрительно притих, наверное, мама с папой поехали в магазин за продуктами, поэтому Женя меня и трясла. На веранде солнечные лучи бились в стёкла золотыми стрелами, и я чуть не ослепла после полутёмных комнат на первом этаже. Хрустальная сахарница на столе искрилась, как волшебный кристалл, а вокруг неё дрожали радужные солнечные зайчики. Не утро, а просто праздник какой-то!

Я сунула ноги в мамины кроксы-крокодилы и спустилась с крыльца. На качелях и правда сидел Алёша Колокольчиков в своей кепочке. Его лицо с веснушками выглядело таким радостным, как будто он не меня увидел, а Деда Мороза с мешком подарков.

– Привет! – помахал мне Алёша Колокольчиков. – А я тебя жду! Твоя сестра разрешила. Я сказал, что мы знакомы. – Он прищурил светло-коричневый глаз.

– А мы не очень-то и знакомы, – сказала я и подумала, что Женя теперь меня засмеёт, будет цепляться с «женихом», а «жених» хуже некуда.

– Ничего, познакомимся! – кивнул Алёша Колокольчиков и похлопал по подстилке на качелях. – Садись.

– Спасибо! – скривилась я. – Не люблю качели.

– Ясно.

– А ты чего пришёл? И как меня нашёл?

– Просто так.

На второй вопрос Алёша не ответил. Ну, ладно. Наверное, найти меня и правда нетрудно – через два-то дома. Из окна веранды высунулась Женя, она грызла яблоко и смотрела на нас как на клоунов в цирке.

– Знаешь, я только проснулась вообще-то, даже зубы не чистила. Может, ты потом зайдёшь или я зайду?

– Ладно, – пожал плечами Алёша Колокольчиков и спрыгнул с качелей. Я опять заметила, какой он заморыш и коленки ободранные.

– Что там у тебя с кладом?

– С кладом? А, всё нормально. Собираюсь откапывать через пару дней.

– Ты же меня вчера звал сегодня зайти. – Я потихоньку оттесняла его к калитке, стараясь говорить потише, чтобы Женя не услышала.

– Заходи, конечно. Просто раскопки требуют подготовки. Я ещё не до конца определил место. – Алёша попятился и наткнулся спиной на калитку.

Ну конечно, подготовки. Я его раскусила, только на этот раз виду не подам, разоблачу, когда он будет копать. Понятное дело, там окажется какая-нибудь ерунда с чердака, которую Алёша сам же и закопал, может, для смеха, а может, от скуки, только меня так просто не поймаешь. Я – тёртый бублик или как там правильно – пряник? Нет, как-то по-другому. Может, даже в его дурацком кладе окажется старая мясорубка, не наша, конечно. Вот мои сокровища очень похожи на клад, дверная ручка без двери, например, точно очень древняя, пусть этот Алёша Колокольчиков только попробует сказать, что я всё подстроила! Но я ведь на самом деле подстроила, вернее, собираюсь. Ладно, у кого клад будет таинственнее, тот и победил.

– Дуня, – перебил мои мысли Алёша. – Можно спросить?

Я нахмурилась. Вдруг он спросит, можно ли со мной дружить? И что я должна ответить?

– Ну?

– А почему у тебя футболка задом наперёд и наизнанку? Ты не могла бы повернуться? Я хочу поглядеть, какая там картинка просвечивает.

Меня как будто сунули головой в костёр. Футболка наизнанку и задом наперёд. И коса, нечёсаная после сна. Наизнанку и задом наперёд у нас в классе мог прийти только Артур, но все знали, что он ку-ку. Получается что? Получается, я тоже ку-ку?

– Там утёнок нарисован, – сказала я гордым голосом.

– Котёнок? – переспросил Алёша Колокольчиков. – У тебя голос как-то свистит, и плохо слышно.

– Ничего у меня не свистит. Там нарисован утёнок. Это вообще моя футболка. Как хочу, так и хожу.

– Понятно, – пожал плечами Алёша Колокольчиков. – Я и не думал, что ты её украла.

– А в каком ты классе? – спросила я, чтобы перевести разговор на другую тему.

– В четвёртый перешёл, но я один год перепрыгнул на домашнем обучении.

– Ты вундеркинд? – Я решила сразу всё выяснить, чтобы без сюрпризов.

– Нет, просто так получилось, программа лёгкая, – махнул рукой Алёша Колокольчиков.

– Тебе десять?

– Нет, девять. Говорю же – я год перепрыгнул.

– А мне десять будет в сентябре, пока тоже девять.

– Значит, у нас есть что-то общее, – сказал Алёша и опять прищурил светло-коричневый глаз, хоть бы разочек прищурил зелёно-голубой!

– Это просто совпадение. – Я пожалала плечами, потому что всегда удобно пожимать плечами, когда не знаешь, что сказать.

– Ну, я пошёл. Ты заходи в любое время, не стесняйся. Если я буду занят, дедушка тебе передаст.

Алёша вышел за калитку и поскакал к своему, то есть Тамариному, дому – земляничному с мятной крышей. Я села на тёплую скамейку у калитки и сбросила кроксы. Под скамейкой росла белая кашка, в которую так приятно зарываться босыми ногами. Мимо ехала машина и остановилась у нашего дома. В открытое окно высунулась женщина с рыжими волосами:

– Доброе утро! Девочка, не подскажешь, к музею галстука мы правильно едем?

– Галстука? Я не знаю.

– Понятно, никто не знает! Что за народ-то такой нелюбопытный!

Машина покатила дальше, а я решила, что нужно обязательно спросить у папы, где тут в Самоварове музей галстука. Только я об этом подумала, как появилась ещё одна машина – наша.

– Ты что тут кукуешь? – помахала с переднего сиденья мама. – Мы мороженого купили и картошки.

– Картошки? – Я правда удивилась, зачем мне сообщать про скучную картошку.

– Шоколадной, – уточнил папа, и всё сразу стало по-другому – гораздо приятнее!

Он открыл ворота, и шоколадная «картошка» с мороженым поехали навстречу холодильнику. Надо было срочно перехватить их и не дать залечь в морозилке надолго. Я обулась и побежала во двор. И всё было бы хорошо, если бы я была единственным ребёнком в семье.

– Женя, я купил орехов в скорлупе, а то что твой гипс зря пропадает! – крикнул папа, доставая из багажника пакеты с едой.

– Папа! Не смешно! – Женя высунулась из окна веранды и погрозила папе гипсом. – У меня травма!

– Вова, правда, надо как-то поделикатнее, – шикнула на него мама.

– А мне смешно! А мне смешно! – Я решила поддержать папу.

– Ты вообще женихов тут наплодила, а сама в футболке задом наперёд!

Да сколько раз я клялась не связываться со старшей сестрой! И вот опять вляпалась.

– Каких женихов? Ой, Дуня, и правда задом наперёд, да ещё и наизнанку. Неси мороженое в морозилку. – Мама вручила мне покупки.

– Я сейчас хотела съесть.

– Всё ведро?

– Почему мне всегда всё нельзя?! – Я так тряхнула своей нечёсаной косой, что она окончательно развалилась.

– Мама, между прочим, этот жених прямо во двор зашёл, когда вы уехали, – не унималась Женя.

– Заперла бы калитку, – сказала мама и понюхала сыр, который достала из пакета. – Вова, ты уверен, что это мой любимый?

Чтобы обезвредить Женю и прекратить разговоры про жениха, я пошла в наступление и спросила про музей галстуков.

– Какой ещё музей? – обернулся папа. – Что они там выставляют? Экспозицию «Галстук на рубеже веков»?

– Ну, не тебе одному быть странным, другие тоже хотят, – засмеялась мама.

Дальше началась обычная кутерьма, но главное, Женя отстала с женихом. Я почистила зубы, передела футболку, мама заплела мне тугие косы. На завтрак мы ели кто что хотел, потому что в день покупок у нас такая традиция. Я выбрала шоколадную «картошку», мороженое и облепиховый компот, но ради мамы всё же съела ещё и яйцо всмятку.

– Значит, ты всё же познакомилась с этим новым мальчиком, который вместо Тамары? – спросила мама, когда я после завтрака принесла на кухню чашку и тарелку.

– Познакомилась. Только он не вместо Тамары, а просто сам по себе.

Мне не хотелось никем замещать подругу, которую, может быть, больше не увижу никогда в жизни. Наверное, её родителям и в голову не пришло, что нам бы хотелось попрощаться. Вот пройдет десять лет, и мы найдёмся в соцсетях. И не узнаем друг друга, ведь это будут уже две тёти, а не две девочки. Тёти Моти. Интересно, какие будут соцсети через десять лет? Наверное, можно будет высунуться из экрана и пощекотать собеседника под подбородком. У нас в классе такое называется – сделать зайчика. Ну, или не самому высунуться, а отправить голограмму. Вместе с голограммой вспомнились гуси Алёши Колокольчикова.

– Дуня, ты не обижайся на Женьку, – попросила мама и поставила мою тарелку в посудомойку. – Она очень переживает. Представляешь, что такое не попасть на сборы!

– Не представляю, – пробурчала я, потому что правда не представляла. У меня в жизни не было сборов.

– Нам надо, во-первых, поддержать человека, во-вторых, постараться провести лучшее лето в жизни. – Мама осмотрелась, не спряталась ли от неё какая-нибудь грязная кружка или ложка.

– В прошлом году ты тоже собиралась провести лучшее лето в жизни. – Я хмыкнула, потому что и правда как-то странно звучит. – И в позапрошлом.

– Правильно! – Мама захлопнула дверцу и нажала кнопки. – И ведь получилось! Каждое было по-своему лучшим.

– Ладно. – Я кивнула.

Вообще-то мама сама не очень-то поддерживает Женю, чуть что – выбрасывает её вещи (это я про скейт).

Я сидела на табуретке у окна, рисовала в тетрадке комиксы про наш класс и гадала, что ещё сегодня случится. Впереди целый день, значит, есть чего ждать. Идея попросить у папы лопату, чтобы закопать клад, мне разонравилась. И вообще, вдруг это совсем по-малышовому? В третьем классе, наверное, ужеклады не закапывают? Но, с другой стороны, я только перешла в третий. Что ж теперь, совсем от детства отказываться, даже с резиновыми утятами в ванне не купаться?! Тут мне вдруг стало как-то кисло, и я быстро поняла почему – потому что этот заморышный Алёша Колокольчиков перескочил в четвёртый. В целый четвёртый!

Женя ходила по двору и с кем-то болтала по видеосвязи. Она вечно с кем-то болтает, потому что умеет заводить друзей, а мне, похоже, всё лето куковать без Тамары. Я высунулась в окно и оглядела кусты – вдруг она опять прилетит. Не может быть, чтобы эта птичка с розовой грудкой появилась вчера просто так, но на смородине никого не было, и на столе под яблоней

тоже, и на дорожке, а чуть дальше – на заборе трясла хвостом сорока. Нет, в сороку Тамара не стала бы превращаться.

– Чуньк-чуньк, – позвала я Тамару на её теперешнем языке.

Пока все были во дворе, я опять залезла в шкаф, включила фонарик в телефоне и открыла коробку. Совсем не похоже, чтобы это были мамины вещи, или папины, или бабушкины. Бабушка вообще на дачу не привозит ничего ценного и маму с папой ругает, потому что вдруг дачу обворуют. Может, конечно, в этой коробке и правда всякая ерунда, а не ценности. Нет, ну лапа-то точно старинная! Я взвесила в руке дверную ручку – тяжёленькая. Ладно, решено! Закопаю! Зря, что ли, целый день про это думаю!

В тот момент я не подумала, что так и не спросила разрешения взять коробку. Как будто уже было ясно, что она никому не нужна, что её не хватятся. Если бы вместо неё в шкафу прятался малахитовый ларец, тогда я бы побоялась распоряжаться, из-за Хозяйки Медной горы, а обувная коробка сигналила, что эти ценности для взрослых не такие уж ценные. Да и вообще, я потом верну всё на место, после того как покажу Алёше Колокольчикову, какие должны быть клады. Закапывать всё это буду без коробки – она слишком современная, можно сразу засыпаться, сесть в лужу и опростофилиться. А в чём тогда закапывать? В пакете? Ерунда. Просто так? А вдруг крот погрызёт блокнот? Да и вообще, всё запачкается землёй, там ведь ещё червяки и всякие личинки... Надо пробраться в папин сарай и поискать подходящую упаковку для клада. И лопату заодно взять. Нет, идея с кладом всё же хорошая, и никакая не малышовая.

Глава пятая

Соседская кошка Трёшка лежала на нашей лужайке, подставив солнцу круглое пузо, и умывалась. Наверное, Трёшка думала, что наш двор – это и её двор тоже, так почему бы не полежать. Кошки ни у кого не спрашивают разрешения, что считать своим, они сами себе хозяйки.

– Мырь, – сказала я Трёшке на её языке и почесала за ухом. – Смотри, не охоться за Тамарой, она маленькая такая, с серенькими пёрышками и розовой грудкой! Увидишь – ни-ни!

Трёшка зевнула и показала острые сахарные зубки. Как-то тревожно стало за Тамару, но, с другой стороны, есть ведь мыши, а что, если... да нет, Тамара не могла превратиться в полёвку, она их не очень любила, примерно как я пауков.

Трёшкины хозяева – дядя Гена с тётей Леной – всегда сидели за забором, как лист перед травой. Нет, не так – тише воды, ниже травы, поэтому мама считала их лучшими в мире соседями. Иногда мне казалось, что на участке справа вообще никого нет, но потом на бельевой верёвке вдруг появлялись простыни, наволочки и майки, заводилась и стрекотала газонокосилка или из ворот, урча, выезжала большая и важная зелёная машина – кто-то же ею управлял. Соседи никогда не искали у нас Трёшку, поэтому я очень удивилась, когда над забором появилась незнакомая голова и сказала:

– Эй, это наша кошка!

Я обернулась. Одной головы вполне достаточно, чтобы определить, кто перед тобой: старшеклассник или младшеклассник. А вот какой старшеклассник, для этого лучше добавить туловище с ногами, чтобы узнать рост и ширину. Я точно не знаю, как правильно сказать: лицо у головы выглядело каким-то острым или лицо на голове выглядело каким-то острым, но главное, что выглядело. Может, из-за длинной треугольной чёлки и треугольного подбородка – человек-треугольник. Ещё на лице, как у всех, сидели два глаза и нос. Эх, и сложно же описывать человеческую внешность! А писатели во всех книжках описывают, некуда им, бедным, деваться, потому что читателям ведь нужно знать, кто как выглядит, чтобы не путаться. Глаза у этого лица были чёрные и быстрые, как у одной обезьянки в зоопарке, не помню, как она называется, нас на весенних каникулах возили смотреть. Нос... нос как нос.

– Трёшка, Трёшка. – Голове обязательно нужно было пристать к кошке.

Трёшка замерла, вытянулась, зажмурила правый глаз и ответила: «Мяу!»

– А ну иди домой!

– Она нам не мешает, – заступилась я за Трёшку и поднялась с корточек. – И к незнакомым людям нельзя обращаться «эй»!

Голова ухмыльнулась и только собралась ответить что-нибудь треугольное, но тут из дома вышла Женя. Наверное, она, как обычно, хотела меня отчихвостить, но посмотрела на голову над забором и растерялась. Я это сразу определила по бровям, которые съехали немного в сторону. Все растерялись, кроме Трёшки, которая занялась делом – принялась вылизывать шершавым языком свой круглый трёхцветный бок и никуда не собиралась уходить с нашей дорожки.

– Кс-кс-кс! Вы не могли бы подать мне кошку? Вы, незнакомка с гипсом, – промекала голова.

– Я? – переспросила Женя. – Не могла бы.

Я обернулась на Женю и хотела сказать, что я с ней полностью согласна, но не успела.

– Понятно. Приятно познакомиться – Роман!

Сейчас Женя ему покажет «приятно познакомиться»!

– Евгения.

– Я так и подумал. – Голова Роман мотнулась, чтобы откинуть чёлку с глаза.

– Неужели? – хмыкнула Женя.

Я наострила уши, потому что намечался странный разговор.

– У меня чутьё на имена. Понятно, что вы не Олимпиада, не Евлампия и не папа римский Франциск. – Голова сама пошутила, сама и засмеялась.

– Это я не выпалась, а если выплюсь, так вылитый папа римский, – ответила Женя.

Я ничего не поняла, но подумала, что Женя всё равно молодец.

– Бандитская пуля, мадемуазель? Или упали с лошади во время конкура? – Голова совсем осмелела. Он что, смеётся над Женей? Нормальные люди так не говорят! Даже старшеклассники! Что такое конкур? Почему она упала с лошади?

– О! Пустяки. Со скейта полетела. Ехала с тренировки и не доехала.

Женя облокотилась о перила и не собиралась уходить, видно было, что ей понравился разговор и она с удовольствием его продолжит. А я никак не могла понять, почему Роман со мной говорил «эй», а с Женей так, как будто они на балу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.